

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

ВЕСТНИК ОШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОСОФИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

JOURNAL OF OSH STATE UNIVERSITY. PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE

e-ISSN: 1694-8823

№1(7)/2026, 72-81

УДК: 1.128

DOI: [10.52754/16948823_2026_1\(7\)_8](https://doi.org/10.52754/16948823_2026_1(7)_8)

ФИЛОСОФИЯ НИЧТО: ОТ ГЕГЕЛЯ ДО ХАЙДЕГГЕРА
(от логики Абсолюта к экзистенции конечного)

ЭЧ НЕРСЕ ФИЛОСОФИЯСЫ: ГЕГЕЛДЕН ХАЙДЕГГЕРГЕ ЧЕЙИН
(Абсолют логикасынан соңку экзистенцияга чейин)

THE PHILOSOPHY OF NOTHING: FROM HEGEL TO HEIDEGGER
(From the Logic of the Absolute to the Existence of the Finite)

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович

Bekboev Askarbek Abdykadyrovich

доктор философских наук, профессор институт философии им. академика

А.А. Алтмышбаева НАН Кыргызской Республики

философия илимдеринин доктору, профессор. академик

А.А. Алтмышбаева атындагы Философия институту Кыргыз Республикасынын УИАсы

Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy named after. academician

A.A. Altmyshbaeva NAS of the Kyrgyz Republic

baa140156@mail.ru.

ORCID 0009-0009-2503-4286

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Исаков Кубанычбек Абдыкадырович

Isakov Kubanychbek Abdykadyrovich

доктор философских наук, профессор Ошский государственный университет

философия илимдеринин доктору, профессор Ош мамлекеттик университети

Doctor of Philosophy, associate professor of Osh State University

isakov-oshgui@mail.ru

ORCID 0009-0007-2035-0453

ФИЛОСОФИЯ НИЧТО: ОТ ГЕГЕЛЯ ДО ХАЙДЕГГЕРА (от логики Абсолюта к экзистенции конечного)

Аннотация

В статье исследуется философская эволюция категории ничто в системах Георга Вильгельма Фридриха Гегеля и Мартина Хайдеггера. Анализ начинается с гегелевского понимания ничто как логической абстракции, встроенной в диалектическую структуру становления и выступающей моментом саморазвития духа. Далее внимание сосредоточено на радикальной трансформации, предложенной Хайдеггером, который отказывается от логико-рационального подхода в пользу экзистенциального переживания ничто как онтологического потрясения. Показано, что переход от гегелевской системности к хайдеггеровской экзистенциальной феноменологии отражает глубинную смену философской парадигмы — от мышления как построения к мышлению как вопрошанию, от универсалистского разума к конечному человеческому существованию. В центре анализа — различие между логикой и тревогой, между ничто как функцией и ничто как событием.

Ключевые слова: ничто, бытие, становление, тревога, смерть, Гегель, Хайдеггер, диалектика, экзистенция, конечность, Dasein, онтология.

ЭЧ НЕРСЕ ФИЛОСОФИЯСЫ: ГЕГЕЛДЕН ХАЙДЕГГЕРГЕ ЧЕЙИН

(Абсолют логикасынан соңку экзистенцияга чейин)

THE PHILOSOPHY OF NOTHING: FROM HEGEL TO HEIDEGGER

(From the Logic of the Absolute to the Existence of the Finite)

Аннотация

Бул макалада Георг Вильгельм Фридрих Гегель менен Мартин Хайдеггердин философиясындагы «эч нерсе» (ничто) категориясынын өнүгүүсү талдоого алынат. Автор Гегелдин «эч нерсе» түшүнүгүн логикалык-диалектикалык категория катары карап, аны рухтун өзүн-өзү өнүктүрүүсүндөгү зарыл баскыч катары негиздегенин көрсөтөт. Андан соң көңүл Хайдеггердин радикалдуу кайра түшүндүрүүсүнө бурулат — ал логикалык-рационалдык ыкмадан баш тартып, «эч нерсени» адам болмушунун экзистенциалдык тагдыры, онтологиялык силкинуү катары чечмелейт. Бул өтүү философиялык парадигманын өзгөрүшүн билдирет: логикалык универсализмден — экзистенциянын аяктуулугуна, системалуу ой жүгүртүүдөн — түпкү суроого багытталган ой жүгүртүүгө. Макалада «эч нерсе» логикалык конструкция эмес, адамдык тынчсыздануунун жана ачыктыктын терең тажрыйбасы катары каралат.

Abstract

This article explores the philosophical evolution of the concept of nothingness in the thought of Georg Wilhelm Friedrich Hegel and Martin Heidegger. It begins with Hegel's speculative-logical interpretation of nothingness as a necessary abstraction within the dialectical movement of becoming — a moment in the self-development of spirit. The analysis then turns to Heidegger's radical rethinking, in which nothingness is no longer treated as a logical construct but as an existential experience — a profound ontological disturbance that discloses the finitude of human existence. The article argues that this transition reflects a deeper shift in philosophical paradigm: from rational universalism to the ontology of finitude, from systemic logic to existential questioning. Central to the comparison is the distinction between nothingness as a function and nothingness as an event, between conceptual negation and existential anxiety.

Ачык сөздөр: эч нерсе, болмуш, болуп-жатуу, тынчсыздануу, өлүм, Гегель, Хайдеггер, диалектика, экзистенция, аяктуулук, Dasein, онтология.

Keywords: nothingness, being, becoming, anxiety, death, Hegel, Heidegger, dialectic, existence, finitude, Dasein, ontology.

Введение: Ничто как вызов мышления

I. Гегель: ничто как структура становления духа

1.1. Абстрактное бытие и логика перехода

Гегелевская спекулятивная логика начинается с радикального философского жеста — стремления к первому и предельно простому началу, которое могло бы служить отправной точкой всякого логического развертывания. Такое начало, по убеждению Гегеля, должно быть полностью очищено от эмпирического содержания, предпосылок и внешних определений. Речь идёт не о конкретном сущем и не о чувственно данном объекте, а о чистой мысли как таковой. Именно поэтому исходной категорией становится чистое бытие (*reines Sein*) — максимально абстрактное и неопределённое, выражающее лишь простое «есть».

Однако эта кажущаяся простота немедленно обнаруживает свою внутреннюю проблематичность. Чистое бытие настолько лишено определённости, различий и содержательных характеристик, что оказывается неотличимым от своего логического антипода — ничто. Бытие, сведённое к абсолютной абстракции, теряет всякую определимость и тем самым утрачивает способность удерживаться как бытие. Именно в этом контексте Гегель формулирует один из самых парадоксальных и принципиальных тезисов своей логики: «чистое бытие есть то же, что чистое ничто» (Гегель Г. 1970, с. 89). Это утверждение не является ни риторической провокацией, ни логической ошибкой; напротив, оно фиксирует предел абстрагирующего мышления, в котором исчезает различие между положительным и отрицательным.

Тем самым Гегель показывает, что мышление, доведённое до предельной чистоты, неизбежно сталкивается с пустотой. В этом столкновении обнаруживается фундаментальный закон спекулятивной логики: абсолютная абстракция не может служить устойчивым основанием. Там, где отсутствует всякое содержание, различие между бытием и ничто утрачивает смысл. Следовательно, ничто возникает не как внешнее отрицание бытия, а как внутренний результат самого логического очищения. Это означает, что ничто не вводится в мышление извне, а рождается в самом акте мышления как его необходимый предел.

Чистое бытие, таким образом, не содержит в себе ни различий, ни границ, ни форм. Оно не соотносено ни с каким объектом и не указывает ни на какую определённую реальность. Именно в силу этой неопределённости оно не способно удерживать собственную бытийность и «растворяется» в ничто. Но это растворение не означает разрушения логики. Напротив, здесь раскрывается её подлинная динамика: мышление обнаруживает, что оно не может начинаться с неподвижного основания, а вынуждено мыслить переход.

Из этого следует принципиально важный вывод: философия у Гегеля начинается не с устойчивой субстанции, а с движения. Бытие переходит в ничто, ничто — в бытие, и этот взаимный переход не является внешним скачком, а выражает внутреннее самоотрицание абстрактного содержания. В этом смысле ничто оказывается не отрицанием мышления, а его условием: без него невозможна сама логика движения. Мышление впервые осознаёт себя как процесс, а не как фиксацию данного (Исаков, 2025).

На этом основании Гегель формулирует ключевое для всей своей философии положение: бытие и ничто тождественны в своей неопределённости, но различны в движении. Их диалектическое единство порождает третью категорию — становление (*Werden*), в котором бытие и ничто сохраняются как моменты, взаимно переходящие друг в друга. Становление тем самым выступает первой подлинно конкретной категорией логики, в которой начинается развертывание смысла и формы. До появления становления мышление вынуждено признать собственную неспособность удерживать чистое бытие как самодостаточное начало.

Этот шаг радикально отличает гегелевскую философию от классической онтологической традиции, прежде всего платоновской. Если у Платона бытие связано с идеей как устойчивой сущностью и основанием познания, то у Гегеля бытие, доведённое до чистоты, утрачивает сущность и обнаруживает свою пустотность. Тем самым логика перехода становится не вспомогательным механизмом мышления, а его фундаментальной формой. Бытие мыслится не как данность, а как процесс становления, в котором отрицание играет конструктивную роль.

Исходный тезис Гегеля о тождестве бытия и ничто, следовательно, не разрушает рациональность, а, напротив, делает её динамичной. Ничто включается в структуру логики как необходимый момент саморазвития понятия. Оно не угрожает разуму, а обеспечивает его движение, выступая формой продуктивной негативности. Именно поэтому гегелевская философия не боится пустоты: пустота здесь не конец мышления, а его начало — точка, в которой разум впервые обнаруживает себя как становящийся (Ди Джованни Г. 215, с. 31–33).

1.2. Становление как синтез бытия и ничто

Если в первом логическом акте мышление сталкивается с парадоксом — чистое бытие оказывается неотличимым от ничто, — то следующим шагом становится необходимость разрешения этого внутреннего противоречия. Таким разрешением у Гегеля выступает категория становления (*Werden*). Становление является не просто следующим звеном после бытия и ничто, а первой подлинно конкретной формой логического мышления, в которой начинается движение разума как живой, саморазвивающейся реальности. Именно здесь абстрактные тождественные пустоты впервые обретают структуру, направленность и внутренний ритм.

Становление у Гегеля представляет собой движение, но не в физическом или эмпирическом смысле. Это движение самой мысли, разворачивающейся изнутри собственной логической необходимости. Чистое бытие и чистое ничто, находясь в предельной абстракции, не могут быть удержаны как устойчивые и самодостаточные категории. Каждое из них, будучи лишено содержания, неизбежно отрицает само себя: бытие, как полная неопределённость, переходит в ничто; ничто, как отсутствие всякой определённости, предполагает возвращение к бытию. Этот процесс не есть простое чередование или внешняя смена состояний, а представляет собой единое внутренне противоречивое целое. Гегель подчёркивает, что становление «удерживает в себе бытие и ничто как моменты» (Гегель Г. 1970, с. 93).

Тем самым становление оказывается не суммой двух противоположностей, а их диалектическим единством. Бытие и ничто не исчезают и не устраняются, но сохраняются как взаимосвязанные моменты более высокой категории. Именно это удержание противоположностей в их напряжённом единстве делает гегелевское мышление принципиально динамичным. Логика перестаёт быть описанием фиксированных сущностей и становится процессом, в котором смысл возникает через переход, отрицание и самопревосхождение.

В рамках становления ничто утрачивает статус разрушительного предела. Оно выступает не как аннигиляция или конец, а как внутренний момент порождения нового. Это отрицание не носит внешнего или случайного характера, а является формообразующим: через него понятие выходит за пределы собственной абстрактности. Ничто здесь — не мрак и не иррациональная бездна, а «живая пустота», в которой осуществляется продуктивная негативность. Именно благодаря этой негативности мышление способно к развитию и саморазвёртыванию.

Следовательно, ничто в структуре становления — это не исчезновение как утрата, а становление исчезновения как логически значимого момента. Оно не обрывает движение, а вовлекает его в дальнейшее развертывание. Такое понимание ничто позволяет Гегелю радикально переосмыслить роль отрицания в философии. Там, где классическая метафизика

видела в ничто предел или тупик мышления, гегелевская диалектика обнаруживает в нём источник движения и условие смыслообразования.

Именно в этом состоит принципиальное значение становления для всей гегелевской системы. Каждое понятие, доведённое до своей крайности, не разрушается, а переходит в иное, сохраняя себя в преобразованной форме. Ничто выступает здесь не моментом отказа или распада, а формой перехода, без которой невозможна логика развития. Оно не устраняется, а включается в структуру разума как его неотъемлемый импульс.

В этом смысле становление является первой реальностью мышления в подлинно гегелевском понимании — такой, которая включает в себя своё иное и удерживает его как внутренний момент. Гегелевская философия тем самым не отрицает ничто, а превращает его в условие смысла. Это и есть философия «разумного ничто»: такого ничто, которое не разрушает мышление, а делает возможным различение, переход и синтез.

Становление, следовательно, выступает логической матрицей, в которой начинается движение Абсолюта — как духа, формы и разума. В этом процессе ничто перестаёт быть пустотой смысла и превращается в пространство его пульсации, в ту напряжённую точку, где мысль впервые обретает способность быть живой, движущейся и самопорождающей.

II. Хайдеггер: ничто как онтологический прорыв

2.1. Критика метафизики сущего

Мартин Хайдеггер радикально переосмысливает основания западной философской традиции, усматривая в её историческом развитии фундаментальную «забвенность бытия» (*Seinsvergessenheit*). Суть этого упрёка заключается не в частных ошибках метафизики, а в самом направлении философского мышления, которое на протяжении веков было сосредоточено преимущественно на сущем — на том, что существует, поддаётся определению, классификации и понятийному овладению. В результате бытие как таковое — не как сущее, а как способ присутствия сущего — оказалось вытесненным на периферию философского вопрошания.

Хайдеггер утверждает, что метафизика, начиная с античности и вплоть до новоевропейской рациональности, систематически подменяла вопрос о бытии анализом сущего. Философия, стремясь к ясности и определённости, всё более укреплялась в сфере объектов, причин, сущностей и структур, утрачивая способность поставить радикальный вопрос: каким образом сущее вообще возможно и в каком горизонте оно становится значимым? Тем самым, по мысли Хайдеггера, философия «упустила» не частную проблему, а собственный исток — вопрос о бытии как таковом.

Возвращение этого ускользающего вопроса Хайдеггер осуществляет через парадоксальную и на первый взгляд маргинальную категорию — ничто (*das Nichts*). В эссе «Что такое метафизика?» он подчёркивает, что вопрос о ничто не является вопросом об особом объекте или о разновидности небытия, но затрагивает сам горизонт, в пределах которого возможно понимание сущего вообще. «Вопрос о ничто — не вопрос об объекте, а о самом горизонте, в котором возможно всякое понимание сущего» (Ди Джованни Г. 215, с. 230). Тем самым ничто приобретает принципиально иной статус по сравнению с традиционной метафизикой: оно перестаёт быть логической противоположностью бытия и становится условием его раскрытия.

Здесь Хайдеггер совершает методологический переворот. В отличие от гегелевской логики, где ничто функционально встроено в диалектическую систему становления, у Хайдеггера ничто не поддаётся рациональной интеграции. Оно не есть категория, не есть элемент логического аппарата и не может быть схвачено посредством понятийного анализа. Ничто раскрывается как событие — как экзистенциальное переживание, в котором

разрывается самодовлеющая структура повседневного мира. Через этот разрыв обнаруживается не отсутствие сущего, а возможность вопрошания о бытии как таковом.

Таким образом, ничто у Хайдеггера — это не идея и не теоретическая конструкция, а онтологический просвет, в котором впервые становится явной сама проблема бытия. Оно не является сущим, но и не совпадает с простым отсутствием. Это то, через что бытие обретает характер вопроса, а философствование — характер события. В этом смысле ничто выступает не объектом исследования, а условием возможности философии как радикального вопрошания.

2.2. Angst: экзистенциальный страх как ключ к ничто

Для того чтобы ничто стало доступным человеческому опыту, необходимо особое экзистенциальное состояние, которое Хайдеггер обозначает как тревогу (Angst). Речь идёт не о психологической эмоции и не о страхе перед конкретной угрозой, а о фундаментальном способе раскрытия бытия. Angst принципиально беспредметна: в ней отсутствует объект, на который можно было бы указать, и именно эта беспредметность придаёт тревоге её онтологическую глубину.

В «Бытии и времени» Хайдеггер строго различает страх (Furcht) и тревогу (Angst). Страх всегда направлен на нечто определённое — событие, предмет, ситуацию. Тревога же лишена такой направленности. В ней мир в целом утрачивает свою самоочевидность и привычную значимость. В состоянии Angst вещи перестают «иметь смысл», разрушается структура обжитого мира, а человек остаётся один на один с фактом собственного существования. Это не утрата отдельных опор, а обнажение самой безосновности бытия-в-мире.

Именно в этом состоянии раскрывается ничто. Хайдеггер подчёркивает, что в тревоге «всё сущее отпадает, и ничто раскрывается» (Иванова Е. Л. 2022, с. 189). Ничто здесь не выступает как пугающая бездна, но как очищающее событие, в котором размыкается привычная онтологическая замкнутость. Мир не уничтожается, но лишается своей самодовлеющей значимости, и тем самым становится возможным иное отношение к бытию.

Через Angst человек впервые переживает себя не как функцию социальной или онтологической системы и не как субъект среди объектов, а как Dasein — открытость бытию, как «пребывание-в-мире», лишённое окончательных оснований. Тревога разрушает иллюзию устойчивости и тем самым высвобождает подлинную структуру человеческого существования: его конечность, незавершённость и необходимость собственного выбора. Человек обнаруживает себя как существо, которому не на что опереться, кроме самого факта своего существования.

Важно подчеркнуть, что Angst у Хайдеггера не является патологическим состоянием. Это не болезнь и не отклонение, а форма онтологической чувствительности, доступная в моменты экзистенциального пробуждения. Тревога не парализует, а очищает. В ней человек утрачивает ложные идентификации — с ролями, вещами, социальными ожиданиями — и обретает возможность подлинного отношения к собственному бытию.

Таким образом, Angst выступает экзистенциальным «порталом», через который ничто становится доступным как событие. Если у Гегеля ничто мыслится как рационализированная конструкция разума, то у Хайдеггера оно раскрывается как внутренний экзистенциальный сдвиг. В этом сдвиге бытие перестаёт быть само собой разумеющимся и впервые открывается как проблема, как вопрос, как требование подлинного ответа. Ничто здесь оказывается не антиподом бытия, а его скрытой истиной — проявляющейся не в логике, а в опыте, не в утверждении, а в потрясении.

III. Подлинность и конечность: человек между бытием и ничто

3.1. Бытие-к-смерти как онтологический вектор

Одним из центральных положений хайдеггеровской онтологии является утверждение о человеке как о бытии-к-смерти (Sein-zum-Tode). Смерть в этом контексте не мыслится как будущее событие, не сводится к биологическому факту и не рассматривается как внешняя угроза, нависающая над жизнью. Она представляет собой структурный горизонт человеческого существования — то измерение, которое изнутри определяет сам способ бытия Dasein в мире. Смерть здесь выступает не точкой завершения, а направляющим вектором, задающим экзистенциальную перспективу человеческого существования.

Подлинность в хайдеггеровском смысле не является ни моральной добродетелью, ни психологической искренностью. Это онтологическое состояние, при котором человек способен вступить в отношение со своей конечностью, не уклоняясь от неё и не скрывая её за социальными ролями, культурными масками или утешительными иллюзиями. Принятие собственной смертности означает принятие собственного бытия как моего бытия. Никто не может умереть вместо меня, и именно поэтому смерть является самым собственным, неизбежным и непредставимым измерением экзистенции.

Хайдеггер описывает человеческое существование как Sein-zum-Tode — бытие, изначально направленное к собственной конечности. В этом смысле смерть не является событием, которое когда-то произойдёт, а представляет собой онтологический горизонт, постоянно присутствующий в структуре существования. Через осознание этого горизонта ничто приобретает экзистенциальную значимость: оно перестаёт быть абстрактным понятием и становится условием возможности подлинного существования. Столкновение с ничто выводит человека за пределы обыденного и заставляет его соотнестись с собственной свободой (Пёггелер О. 2003, с. 324).

Именно в горизонте смерти ничто обретает свою насущность. Оно перестаёт быть философской абстракцией и становится тем, что побуждает человека задать вопрос о смысле жизни, о её направленности и о собственном выборе. Страх перед ничто в этом контексте не парализует, а пробуждает. Он не блокирует существование, а размыкает его, разрушая самоочевидность повседневности. В отличие от гегелевского понимания страха как преходящего момента в развитии духа, Хайдеггер показывает, что экзистенциально пережитая тревога перед ничто может стать источником подлинной свободы.

Свобода здесь не тождественна произволу или субъективному выбору. Она означает мужество пребывать на границе — быть перед лицом ничто, не отступая в успокаивающие схемы и не растворяясь в безличной обыденности. В этой пограничной открытости человек оказывается ответственным за собственное существование, лишённым внешних гарантий, но именно поэтому способным к подлинному выбору. Он перестаёт быть объектом мира и становится тем, кто принимает мир как свою экзистенциальную задачу.

Через бытие-к-смерти человек обретает собственную временность как ключ к истине — не универсальной и не абсолютной, а проживаемой. Временность здесь не ограничение, а условие осмысленного существования. Именно конечность придаёт жизни напряжение, направленность и значимость, лишая её иллюзии бесконечной отсрочки.

Таким образом, бытие-к-смерти у Хайдеггера предстает не как мрачный финал, а как онтологический просвет. Конечность оказывается не слабостью человека, а условием его человечности. Ничто, в свою очередь, перестаёт быть трагедией и становится порогом — тем пределом, за которым начинается подлинный опыт бытия как бытия.

3.2. Молчание ничто и тишина бытия

Хайдеггер принципиально отказывается от попытки дать ничто определение. Он не стремится «говорить» о нём в понятийном смысле, но указывает на его молчание как на онтологически значимый способ присутствия. В отличие от логоса классической философии, ориентированного на формирование, объяснение и связывание, ничто не поддаётся речевому

овладению. Оно не именуется, не описывается и не концептуализируется. Ничто присутствует как тишина, как пауза, как разрыв в непрерывности смысла — как тот уступ в бытии, на котором мышление перестаёт утверждать и начинает слушать.

Это молчание не является отрицательной пустотой или дефицитом смысла. Напротив, оно выступает пространством раскрытия, в котором отступают все привычные концептуальные конструкции. В этом отступлении исчезает потребность в объяснении и господстве над смыслом, и остаётся лишь опыт пребывания. Именно в этом опыте человек впервые сталкивается с бытием не как с сущностью, объектом или принципом, а как с призывом — как с тем, что обращено к нему, но не поддаётся захвату. Ничто становится фоном звучания бытия, его негативной глубиной, без которой само звучание было бы невозможно.

Мышление, проходящее через опыт ничто, радикально меняет свой характер. Оно перестаёт быть построением систем и концептов и превращается в внимание. Оно утрачивает стремление к удержанию и контролю, но обретает способность слышать. Такое мышление больше не направлено на окончательное закрепление смысла; оно учится пребывать в открытости, не закрывая вопрос преждевременным ответом. Между светом сущего и тенью ничто формируется новая онтологическая чувствительность — способность не отворачиваться от невыразимого, оставаться на границе и внимать бытию в его сокрытости.

В этом контексте ничто предстает не как антипод речи, а как её предел. Это та граница, к которой приходит мысль, исчерпав свои понятийные ресурсы. Однако этот предел не означает краха философии. Напротив, именно здесь обнаруживается напряжение смысла — его ускользающая и незавершённая природа. В тишине ничто философия перестаёт быть дисциплиной, замкнутой в системе утверждений, и становится событием вопрошания, в котором мысль впервые обретает подлинную ответственность.

Ничто, таким образом, не даёт ответа и не предлагает утешения. Оно делает возможным сам вопрос — тот вопрос, который не стремится к окончательному разрешению, но удерживает мышление в состоянии бодрствования. В этом опыте тишины философия возвращается к своему истоку: к внимательному пребыванию перед бытием, к готовности слушать там, где язык умолкает, и к мужеству оставаться в открытости, не закрывая её преждевременным смыслом.

IV. Гегель и Хайдеггер: два горизонта ничто

Сопоставление гегелевского и хайдеггеровского подходов к категории ничто выявляет не просто расхождение философских позиций, но различие онтологических горизонтов, в пределах которых мысль осуществляет себя принципиально по-разному. Речь идёт не о конкуренции теорий и не о полярной оппозиции, а о двух способах философствования, каждый из которых по-своему определяет, что значит мыслить, где пролегают границы разума и каково место человека в структуре бытия.

Прежде всего различие проявляется на методологическом уровне. У Гегеля ничто вводится в пространство диалектической логики как момент саморазвития понятий. Диалектика здесь является не внешним методом, а самой тканью разума, в которой отрицание выступает необходимым условием становления духа. Ничто у Гегеля рационализируется: оно включено в систему, подчинено логике перехода и лишено экзистенциальной угрозы. Хайдеггер, напротив, отказывается от логики как универсального языка философии. Его мышление исходит не из понятийной необходимости, а из бытийного опыта *Dasein*. Мысль здесь не производит категории, а вслушивается в явления, прежде всего — в их границы, разрывы и сокрытость. Методология Хайдеггера носит онто-феноменологический характер: она не строит систему, а раскрывает условия возможности самого вопрошания.

Во-вторых, по-разному понимается сама природа ничто. У Гегеля ничто есть логическая пустота, тождественная чистому бытию в своей неопределённости. Оно не пугает и не

дестабилизирует, а структурирует процесс становления, выступая рациональным моментом отрицания. У Хайдеггера же ничто является экзистенциальным событием, которое не мыслится, а переживается. Это потрясение, размыкающее повседневный мир и обнажающее конечность человеческого существования. Здесь философская продуктивность ничто связана не с его понятийной функцией, а с его способностью выводить человека за пределы самоочевидного.

Различается и функция ничто в философской системе. В гегелевской логике ничто служит моментом перехода — необходимым звеном на пути от абстрактного бытия к становлению и далее к конкретным формам духа. Оно обеспечивает движение системы и в конечном счёте преодолевается в её целостности. У Хайдеггера же ничто выполняет иную функцию: оно раскрывает горизонт подлинности, в котором Dasein выходит за пределы повседневной рассеянности и сталкивается с собственной конечностью как основанием свободы.

Особое значение имеет и отношение к субъекту. Гегель мыслит разум как универсальную форму, в рамках которой индивидуальное растворяется в процессе всеобщего развития. Субъект здесь является носителем логики, через которого осуществляется движение Абсолюта. У Хайдеггера человек не универсален, а предельно конкретен: он — Dasein, брошенный в бытие, конечный, тревожащийся и смертный. Экзистенциальная ситуация каждого уникальна, и только через осознание собственной конечности становится возможным подлинное существование.

Наконец, различается и способ открытия ничто. У Гегеля оно обнаруживается в логике, через радикальную абстракцию, где чистое бытие тождественно чистому ничто. У Хайдеггера ничто раскрывается в состоянии Angst — тревоги перед безосновностью мира, в которой человек утрачивает все привычные опоры и впервые переживает бытие как вопрос, а не как данность.

Таким образом, можно говорить о двух горизонтах мышления:

- у Гегеля ничто представляет собой рационализированную структуру, встроенную в архитектуру духа;
- у Хайдеггера ничто является онтологической бездной, через которую человек пробуждается к собственной конечности и свободе.

Между этими подходами нет иерархии и нет окончательного спора. Между ними существует напряжённый диалог. Один мыслит ничто как категорию, другой — как событие. Один строит систему, другой раскрывает тишину. Один устремлён к Абсолюту, другой — к подлинности человеческого существования.

Заключение: мышление перед лицом ничто

Размышление о ничто не является маргинальной темой философии. Напротив, в нём сосредоточен её глубинный нерв — тот предел, на котором обнаруживается не только граница мысли, но и способ её подлинного пробуждения. В сопоставлении Гегеля и Хайдеггера открываются не просто две трактовки одной категории, а два типа философского мышления: системно-рациональный и экзистенциально-вопрошающий.

У Гегеля ничто предстает как логический момент, органически включённый в структуру становления. Оно не разрушает, а порождает: через отрицание и переход оно обеспечивает движение духа к всеобщему разуму. В этом смысле ничто является необходимой ступенью мышления, рационализированной и преодоленной в системе.

У Хайдеггера ничто не подчиняется логике. Оно переживается как событие потрясения — как тревога, разрыв и онтологическая дезориентация, в которой обнажается конечность

человеческого бытия. Здесь ничто уже не инструмент мышления, а то, что разоблачает саму мысль, разрушает иллюзию устойчивости и возвращает человека к подлинности.

Тем не менее оба философа сходятся в принципиальном: ничто не есть простое отсутствие, пустой мрак или отрицание ради отрицания. В обоих подходах оно оказывается производительным началом. У Гегеля — как источник диалектического движения, у Хайдеггера — как импульс экзистенциального пробуждения.

Следовательно, ничто — не конец мышления, а его исток. Оно не уничтожает смысл, а делает возможным его рождение. Это не граница, за которой философия должна умолкнуть, а призыв, с которого философия начинается по-настоящему. В этом призыве Гегель и Хайдеггер не противостоят друг другу, а раскрывают два измерения философского жеста: стремление к системе и готовность взглянуть в бездну.

Мышление, способное выдержать взгляд ничто, — это зрелое мышление. Оно не ищет утешения в устойчивом, не прячется за понятиями и не избегает тревоги. Оно готово вопрошать там, где язык исчерпан, жить на границе бытия и небытия и в тишине ничто услышать голос бытия.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. *Наука логики* / пер. с нем. и вступ. ст. А. М. Домбровского. — М.: Мысль, 1970. — 584 с.
2. Гегель Г. В. Ф. *Феноменология духа* / пер. с нем. Г. Б. Розенберга. — М.: Наука, 1977. — 528 с.
3. Ди Джованни Г. Ничто и диалектика в логике Гегеля // *Сова Минервы*. — 2015. — Т. 47, № 1. — С. 27–44.
4. Иванова Е. Л. Философия ничто: от античного апофатизма к экзистенциальной онтологии // *Логос*. — 2022. — № 3 (146). — С. 103–117.
5. Исаков, К. (2025). Философия становления и метафизика без цели (историко-философский подход). *Вестник Ошского государственного университета*, (4), 76–84. https://doi.org/10.52754/16948610_2025_4_6
6. Пёггелер О. *Путь мышления Мартина Хайдеггера* / пер. с нем. В. В. Вахитова. — СПб.: Наука, 2003. — 352 с.
7. Розенберг С. В. Хайдеггер и проблема ничто: онтология предельного опыта // *Вопросы философии*. — 2021. — № 9. — С. 82–96.
8. Сафрански Р. *Мартин Хайдеггер: между добром и злом* / пер. с нем. И. В. Бакуровой. — М.: Академический проект, 2005. — 492 с.
9. Сёренсен А. Хайдеггер о ничто: тревога и онтологическая разница // *Континентальная философия*. — 2020. — Т. 53, № 1. — С. 41–61.
10. Хайдеггер М. *Бытие и время* / пер. с нем. В. В. Визгина, С. А. Аверинцева. — М.: Ад Маргинем, 1997. — 486 с.
11. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления* / пер. с нем. В. В. Биbihина. — М.: Республика, 1993. — С. 228–243.

